

МЕНДЕЛИЗМЪ.

4.

Заключение.

Въ менделизмѣ открывается двойственность. Съ одной стороны онъ является учениемъ строго эмпирическимъ, въ сущности точнымъ описаніемъ фактовъ, изъ которыхъ съ необходимостію слѣдуютъ новые факты. Съ другой стороны можетъ показаться, что учение менделизма о факторахъ наследственности—доминантахъ и рецессивахъ, факторахъ не дѣйствующихъ, но лишь обусловливающихъ возможность дѣйствія другихъ факторовъ, какъ, на примѣръ, хроматинъ, обусловливающей возможность окраски, о факторахъ взаимно притягивающихся, о факторахъ несовмѣстимыхъ, что такое учение всецѣло метафизично и даже мистично. Дѣйствительно, если пытаться опредѣлять свойства этихъ предполагаемыхъ факторовъ, рѣшать вопросы о нихъ—представляютъ ли они собою вещественную субстанцію или энергію, и что это за субстанція или энергія, то менделизмъ, оставаясь естественнонаучнымъ учениемъ, станетъ въ то же время и метафизической доктриной. Правда, давно пора перестать смущаться словомъ „метафизика“ и давно пора догадаться, что всѣ люди метафизики. Но дѣло въ томъ, что метафизика, какъ и физика, бываетъ и хорошою и плохою, и если бы менделисты пытались давать учение о сущности факторовъ, управляющихъ наследственностію, они вступили бы на скользкій путь увлеченія плохою метафизикою. Но Мендель не вступалъ на этотъ путь. Не увлекаетъ онъ и менделистовъ. Факторы менделизма R , R_1 , R_2 , это—условныя обозначенія началъ, производящихъ явленія. Генрихъ Герцъ

(1857—1893), расширившей наши познания объ электрических волнахъ, мечталъ о физикѣ безъ гипотезъ. Эта физика не должна была толковать о томъ, что такое свѣтъ—особая матерія, дрожаніе эфира или что иное, она должна была бы только математически опредѣлять законы дѣйствія явленій. Герцъ невольно вспоминался мнѣ при изученіи работъ Менделя. Въ физикѣ мы имѣемъ, что иногда отъ прибавленія свѣта къ свѣту получается мракъ—въ явленіяхъ интерференціи, когда возвышенія однихъ свѣтовыхъ волнъ совпадутъ съ углубленіями другихъ. У Менделя мы имѣемъ, что соединеніе высокорослыхъ родителей иногда можетъ дать низкорослое потомство. Толковать о сущности факторовъ, производящихъ эти явленія бесполезно. Но изученіе фактовъ и ихъ численнаго взаимоотношенія даетъ намъ формулы теоріи соединеній. Правда, найденныя числа не являются коэффициентами бинома Ньютона—въ одномъ случаѣ они представляютъ собою и эти коэффициенты, только не такъ поставленные: 3, 1, 1, 3—но ясно, что сущность дѣла здѣсь та же. Намъ даны комбинаціи, мы можемъ прослѣдить, какъ онѣ образуются, и предъ нами возникаетъ чисто алгебраическая задача—опредѣлить законы образованія этихъ комбинацій и число элементовъ, изъ которыхъ онѣ образуются. Эти элементы мы будемъ обозначать не числами 1, 2, 3, 4 и т. д., а наименованіями—отсутвіе краснаго цвѣта, присутствіе краснаго цвѣта, факторъ усиливающей окраску, факторъ ослабляющей окраску, факторъ въ двойной дозѣ, названія инья, но сущность дѣла та же. Какъ въ числахъ разъ даны элементы и законъ ихъ сочетанія, можетъ быть опредѣленъ результатъ, такъ и въ менделизмѣ результатъ предсказывается. Менделизмъ есть прежде всего описаніе опытовъ. Далѣе, менделизмъ есть переложеніе словеснаго описанія на языкъ цифръ. Затѣмъ оказывается, что разъ дано извѣстное количество цифръ, то дальнѣйшія цифры будутъ представлять собою функцію данныхъ. Опытъ ненуженъ болѣе. Вычисленіе предскажетъ намъ въ цифрахъ будущія явленія, а въ концѣ концовъ языкъ цифръ мы можемъ снова переложить на языкъ словъ.

Если нельзя узнать сущности фактора, то за всѣмъ тѣмъ конечно нужно по возможности стремиться изслѣдовать его проявленія. Современная біологія и не останавливается на

внѣшней сторонѣ явленій менделизма. Цитологическое и эмбриологическое изслѣдованія привлекаются для выясненія фактовъ наслѣдственности. Изученіе клѣтки получило широкое развитіе. Много сдѣлано и въ области изученія образованія изъ клѣтки новыхъ клѣтокъ, т. е. произведенія клѣткою или клѣтками новаго потомства. Изслѣдованія подъ микроскопомъ показываютъ, что образованіе и развитіе зародыша совершаются согласно принципамъ Менделя, наблюдаются даже реальныя единицы аналогичныя факторамъ менделизма—зернышки называемыя хромосомами ¹⁾).

Теорія Менделя уже имѣетъ и безъ сомнѣнія будетъ имѣть громадное біологическое значеніе. Какъ сама въ себѣ, такъ и въ своемъ отношеніи къ біологін она является какъ бы двойственной. Съ одной стороны она предлагаетъ біологамъ сузить проблему происхожденія новыхъ формъ. Во второй половинѣ XIX вѣка вопросъ о происхожденіи былъ поставленъ очень широко—рѣшали проблему происхожденія всего органическаго міра—растительнаго, животнаго, человѣческаго вмѣстѣ съ такими сложными проявленіями человѣческаго духа, какъ наука, мораль, религія, вся культура съ ея матеріальной и духовной стороны. Все поняли. Дарвинъ объяснилъ міръ. Объясненіе было до наивности просто. Но что же можетъ быть лучше простыхъ объясненій? Дарвинъ, говорятъ, не любилъ алгебры. На самомъ дѣлѣ гораздо проще довольствоваться четырьмя дѣйствіями ариеметики. Теорія Менделя призываетъ біологовъ къ скромности. Вопросъ о происхожденіи новыхъ формъ, о факторахъ обуславливающихъ ихъ возникновеніе, оказывается настолько сложнымъ, что въ сущности съ научной точки зрѣнія при настоящемъ состояніи знаній недопустимы широкія обобщенія по вопросу о происхожденіи родовъ, классовъ и типовъ. Рѣшенія этихъ вопросовъ предложенныя во второй половинѣ XIX вѣка на самомъ дѣлѣ столько же научны, какъ вавилонскія или греческія сказанія о происхожденіи растеній, животныхъ и людей. Родословныя животныхъ и человѣка, составленныя досужими біологами вродѣ Геккеля,

¹⁾ См. Э. Страсбургера—Реальныя основанія ученія о наслѣдственности. СПб. 1912. Также см. Т. Г. Моргана—Экспериментальная зоологія. Москва. 1909.

оказались имѣющими право претендовать лишь на такую степень достовѣрности, на какую могут претендовать родословныя гомеровскихъ героевъ. Загробный голосъ Менделя призывалъ біологовъ опьяненныхъ теоріею Дарвина къ трезвому изслѣдованію явленій. Отъ широкой постановки вопросовъ нужно отказаться. Разумѣется нельзя и не слѣдуетъ запрещать появленіе въ печати трактатовъ, имѣющихъ заглавіе „исторія органическаго міра“, но слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться о такомъ естественнонаучномъ образованіи общества, чтобы оно понимало, что такія произведенія, какъ исторія органическаго міра, относятся болѣе къ области изящной словесности, чѣмъ строгой науки.

Но если съ одной стороны менделизмъ суживаетъ задачи біологическаго изслѣдованія, то съ другой стороны онъ углубляетъ ихъ. Точно и строго описывая то, что есть и отказываясь отъ фантастическихъ описаній того, что было менделизмъ въ то же время стремится истолковать законы того, что есть, т. е. существующаго, такъ, чтобы вмѣсто прежнихъ фантастическихъ и неопредѣленныхъ предсказаній будущаго, во многихъ случаяхъ имѣть возможность предсказывать это будущее математически точно, какъ предсказываются теперь лунныя и солнечныя затменія.

Менделизмъ начался съ того, что монахъ Мендель въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія сталъ производить опыты надъ горохомъ. Характеръ опытовъ, методъ работъ Менделя, намѣченные имъ вопросы, все повидимому указывало для его дѣла узкія и тѣсныя рамки. Но въ дѣйствительности оказалось не то. Отъ гороха перешли къ наблюденіямъ и опытамъ надъ другими растеніями, отъ растеній перешли къ животнымъ, отъ животныхъ перешли и къ наблюденіямъ надъ людьми, отъ вопросовъ о происхожденіи ихъ физическихъ особенностей перешли къ вопросамъ объ ихъ нравственныхъ свойствахъ. Дарвинъ отъ наблюденія надъ породами голубей перешелъ къ рѣшенію проблемы о происхожденіи религіи и морали. Менделизмъ доселѣ не ставилъ дѣло такъ широко, да и при тѣхъ знаніяхъ, которыми располагаетъ человѣчество, ставить его такъ широко нельзя. Но по естественному порядку менделизмъ не могъ ограничиться вопросами о физической наслѣдственности, онъ долженъ былъ заняться проблемами и нравственной

наслѣдственности. Между законами наслѣдственности біологической и наслѣдственности моральной нѣтъ непереходимой бездны. Если бы между біологическими и нравственными законами наслѣдственности существовали бы только аналогіи, и тогда бы менделизмъ могъ оказывать услуги этикѣ. Со временъ Эмпедокла сближаютъ любовь съ притяженіемъ и отталкиваніе съ враждою. Послѣднее сближеніе мнѣ представляется неудачнымъ: вражда и ненависть не аналогичны отталкиванію; отталкиванію аналогично отвращеніе. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что между симпатіею и антипатіею съ одной стороны и между неразрывностью и несомѣстимостью факторовъ (не въ абсолютномъ смыслѣ) существуетъ аналогія. Но у насъ дѣло не въ однихъ аналогіяхъ. Кромѣ того, что физической и духовною природою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ управляютъ аналогичные законы, между матеріею и духомъ существуетъ крѣпкая связь, и все, что происходитъ въ сферѣ физической, отражается на сферѣ духовной и наоборотъ. Матеріалистъ найдетъ объясненіе этого факта въ томъ, что духъ есть функція тѣла. Крайній спиритуалистъ можетъ выдвинуть тезисъ, что тѣло есть функція духа, что духъ создаетъ тѣло сообразно съ своими влеченіями и стремленіями. Опытъ отрѣшенный отъ метафизическихъ принциповъ говоритъ намъ, что между духомъ и тѣломъ существуетъ взаимная зависимость, не остающаяся всегда и у всѣхъ тождественною. Эта безспорная зависимость, равно какъ и безспорная аналогія законовъ заставляеть біологическія проблемы наслѣдственности связывать съ моральными.

Прежде всего несомнѣненъ фактъ, что существуетъ нравственная наслѣдственность, какъ существуетъ физическая. Указываютъ, что нѣкоторыя физическія особенности передавались у нѣкоторыхъ семействъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній. У Цицероновъ были родинки въ формѣ овечьяго гороха, у Лентуловъ — специфическіе веснушки, откуда и ихъ прозвища. Въ семьѣ Рогановъ изъ поколѣнія въ поколѣнія передавалась прядь бѣлокурыхъ волосъ на лбу, появлявшаяся въ юности. Благопріятнымъ условіемъ для сохраненія физическихъ особенностей является заключеніе браковъ въ узкихъ границахъ небольшого рода. Такъ почти всѣ обитатели одной долины въ области верхнихъ Альпъ имѣли по

лишнему пальцу на рукахъ, и ногахъ. Ихъ переселеніе въ города лишило ихъ потомковъ этой особенності. Указываютъ, что китайскіе магометане, парсы въ Индіи, польскіе евреи характеризуются нѣкоторыми особенностями. Королевскія фамиліи Европы, по необходимости заключающія браки между одними и тѣми же семьями или по крайней мѣрѣ въ ограниченномъ кругу, даютъ важный матеріалъ по вопросамъ о наследственности. Галиппъ собралъ болѣе двухсотъ портретовъ, на которыхъ были изображены члены французской, испанской, австрійской, баварской и савойской династій, между которыми брачные союзы заключались почти въ каждомъ поколѣніи. Семейный типъ выступаетъ ярко. Главнымъ образомъ бросаются въ глаза двѣ особенності горбатый носъ и выдающаяся нижняя челюсть. Изслѣдованіе вопроса о наследованіи физическихъ особенностей, производимое согласно принципамъ менделизма, привело Аперта къ заключенію, что физическія особенності передаются лишь тогда, когда онѣ имѣлись у предковъ и съ отцовской и съ материнской стороны, въ противномъ случаѣ онѣ быстро исчезаютъ.

Въ области нравственной указываютъ многочисленныя примѣры того, что таланты одного и того же рода проявлялись у многихъ членовъ семьи. Въ ряду писателей—два Плинія (дядя и племянникъ), Сенека и его племянникъ Лукіанъ, два брата Корнелія и ихъ племянникъ Фонтенель, два брата Шенъе, два брата Мюссе, два Александра Дюма, отецъ и сынъ. Дядя А. С. Пушкина Василій Львовичъ былъ недюжиннымъ поэтомъ. Въ ряду натуралистовъ—физики Беккерели (прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ), математики Бернуллі дядя, три племянника и ихъ сыновья), натуралисты Жоффруа-сентъ-Илеры (Этьенъ и Исидоръ, отецъ и сынъ), художники Вернэ (Карль, Іосифъ и Гораций). Указываютъ, что наследственность талантовъ проявляется особенно ярко, когда брачные союзы заключаются между равно одаренными семействами. Таковы семья Дарвина и семья Гальтона, браки между которыми заключались неоднократно. Они выдвинули пять поколѣній выдающихся натуралистовъ. Эразмъ Дарвинъ, его сынъ — Робертъ, сынъ Роберта—всемирно извѣстный Чарльзъ, сыновья Чарльза (Френсисъ, Джорджъ), ихъ сыновья, изъ которыхъ Джорджъ умеръ, а Леонардъ не-

давно руководилъ работами лондонскаго конгресса по Ев-геникѣ. Въ области музыки можно указать на семью Баховъ, въ области драматическаго искусства на семью Кюленовъ. Примѣры эти можно значительно умножить.

Но мнѣ думается, что на самомъ дѣлѣ нужно рѣзко различать наслѣдственность способностей и наслѣдственность таланта или генія. Относительно послѣдняго вида наслѣдственности я сильно сомнѣваюсь, что она существуетъ, и считаю несомнѣннымъ, что фактъ такой наслѣдственности недоказанъ. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ талантливыхъ семей можно отмѣтить, что въ каждой семьѣ выдается лишь одна крупная фигура и, не будь этой крупной фигуры, остальные легко бы могли пройти незамѣченными. Въ семьѣ Беккерелей крупнымъ талантомъ является прадѣдъ Антоній—Цезарь Беккерель (1788—1878), его потомки сохраняютъ любовь къ физикѣ и даютъ дѣльные экспериментальныя изслѣдованія (главнымъ образомъ въ области магнетизма и электричества, отчасти—въ области свѣта), но такія изслѣдованія можетъ производить всякій способный человекъ. Изъ Бернулли великъ собственно Яковъ Бернулли (род. въ 1654 г.), съ именемъ котораго связаны бернуллиевы числа. Изъ Сентъ-Илеровъ надъ Исидоромъ неизмѣримо возвышается отецъ Этьенъ (1772—1844). Если изъ Дарвиновъ вычестъ Чарльза, то останется очень немного. Затѣмъ, безъ всякаго труда можно насчитать десятки великихъ людей, потомки которыхъ не проявили ни малѣйшей даровитости и о которыхъ исторія хранить гробовое молчаніе. Что знаемъ мы о дѣтяхъ Сократа? И вообще развѣ великіе философы и поэты Греціи вели безбрачную жизнь или были безпотомственны? Конечно, нѣтъ. Между тѣмъ въ ряду учениковъ того или другого философа не видно его собственныхъ дѣтей. Конечно, здѣсь возможна гипотеза, что мужская талантливость парализовалась женскою бездарностью, что отрицательныя свойства Ксантиппы не дали проявиться въ ея дѣтяхъ генію Сократа. Но вѣдь, еще вопросъ, какія были способности у Ксантиппы? Можетъ быть она была и не глупѣй Аспазіи, но была воспитана совершенно въ иной атмосферѣ и на иныхъ началахъ. Затѣмъ, трудно представить, чтобы великіе люди Греціи систематически женились на тупоумныхъ особахъ. Наконецъ, руководясь тер-

минологіей Менделистовъ, неужели нужно принять, что умъ есть свойство рецессивное, а бездарность — доминантное? Тогда весь историческій процессъ долженъ бы былъ представлять намъ непрерывное торжество глупости. Но если глупость и торжествовала иногда, какъ на примѣръ во Франціи, когда тамъ провозгласили культъ богини разума, то подобное торжество всегда являлось только спорадическимъ.

Думается, что умъ доминантенъ, а глупость рецессивна. Но другое дѣло—талантъ или геній. Это—исключительныя явленія. Произвести ихъ путемъ какого-либо искусственнаго подбора и предсказать ихъ рожденіе доселѣ оказывалось невозможнымъ. Изъ безвѣстныхъ семей вышли Исаакъ Ньютонъ и Луи Пастеръ. Именемъ таланта или генія называется то, что *рѣзко* возвышается надъ нормою. Но сочетаніе того, что *рѣзко* возвышается надъ нормою, съ нормальнымъ типомъ не можетъ дать промежуточнаго звена между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ. Вѣдь, самъ геній, говоря языкомъ менделизма, есть геній только фенотипически, а генотипически онъ носитъ въ себѣ множество свойствъ обыкновенныхъ людей. Лицо, съ которымъ соединяется геній, и фенотипически и генотипически не возвышается надъ нормою или по крайней мѣрѣ не уклоняется отъ нея замѣтнымъ образомъ. При такихъ условіяхъ естественно ожидать нормальнаго потомка. По Гальтону ребенокъ четверть своихъ свойствъ наследуетъ отъ отца. Если это правило и можетъ претендовать на приблизительную вѣрность, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда оба родителя не представляютъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы.

Отмѣчаемый фактъ существованія талантливыхъ семействъ на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ ту отрадную истину, что поставленный въ благопріятныя условія просто способный человѣкъ можетъ стать подобнымъ таланту. Бернулли принадлежали къ семьѣ выдающейся по своему положенію. Условія воспитанія Дарвиновъ и Гальтоновъ являются крайне благопріятными. Подсказывается выводъ, что если всѣ семьи будутъ въ такихъ условіяхъ, то всѣ они примутъ видъ талантливыхъ.

Теорія духовной наследственности—справедливая въ предѣлахъ обычныхъ нормъ—предполагаетъ собою передачу не однихъ только положительныхъ, но также и отрицательныхъ

свойствъ. Если передается наклонность къ добродѣтели, то должна передаваться и наклонность къ пороку. Какъ на иллюстрацію послѣдняго, часто указываютъ на такой примѣръ. Въ первое время образованія англійскихъ колоній въ Америкѣ туда переселилась одна нищія, характеризовавшаяся крайнею порочностью. Пьяница, воровка, скандалистка она половину своей долгой жизни провела въ тюрьмѣ. У ней было много дѣтей. Государственные архивы и архивы остроговъ и тюремъ показываютъ, что четыре пятыхъ изъ сотенъ ея потомковъ были склонны ко всевозможнымъ преступленіямъ и двѣнадцать кончили жизнь на висѣлицѣ. Изъ подобныхъ примѣровъ дѣлаютъ выводъ, что существуетъ наслѣдственность преступности, какъ существуетъ наслѣдственность геніальности. Склонный отрицать послѣдній видъ наслѣдственности, я еще рѣшительнѣе отрицаю первый. Міръ лежитъ во злѣ и нѣтъ человѣка, который не согрѣшилъ бы, хотя бы житіе его на землѣ ограничивалось однимъ днемъ. Я рѣшительно признаю свободу воли и отвѣтственность человѣка, но однако когда предъ человѣкомъ предстоить дилемма: украсть или умереть съ голоду, то ясно, что въ результатѣ мы получимъ или трупъ или вора. Потомство авантюристки, о которой рассказываютъ американскіе архивы, едва ли встрѣчало себѣ благопріятный приемъ въ честномъ обществѣ. Оно естественно должно было оказаться въ оппозиціи съ этимъ обществомъ. Оно и общество были два враждебныхъ племени. Неудивительно, что архивы общества говорятъ о многочисленныхъ расправахъ, съ членами враждебнаго ему рода. Объ одномъ русскомъ писателѣ, на произведеніяхъ котораго лежитъ печать гуманности, рассказываютъ, что, будучи мальчикомъ, онъ обвѣшивалъ и обманывалъ въ лавкѣ своего отца. Правда ли это или неправда, но во всякомъ случаѣ, если мальчика съ самыми благородными наклонностями приучать лѣтъ съ 7—8 къ торговлѣ по принципу „не надуешь, не продашь“, то онъ будетъ продавать надувая. Что по наслѣдству передаются дурныя наклонности, объ этомъ свидѣтельствуетъ все человѣчество, потому что въ каждомъ человѣкѣ есть нѣчто дурное, но рождаютъ ли преступники *врожденныхъ* преступниковъ? Прежде чѣмъ отвѣтить, нужно выяснитъ, что значить терминъ „врожденный преступникъ“. Это — не

человѣкъ, который непремѣнно будетъ совершать преступленія. Условія его жизни, среда могутъ воспрепятствовать ему дѣлать это. Врожденный преступникъ, это—человѣкъ, который носитъ въ себѣ неискоренимую охоту совершать преступленія. Въ терминахъ менделизма, это—человѣкъ, который носитъ въ себѣ неуничтожимый факторъ преступности. Но существуетъ ли такой факторъ? Нѣтъ оснований предполагать его существованіе. О величайшихъ преступникахъ мы знаемъ, что они кое-кого любили и кое-кому дѣлали добро, что они имѣли нѣкоторые принципы, которыми не поступались. Вѣдь, бывали случаи и они вовсе не исключительные, что эти преступники проявляли ту любовь, о которой сказалъ Христосъ: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 13).

Специфическія дурныя свойства — жестокость, скупость, зависть, злорадство, склонность безкорыстно вредить ближнему — повидимому наследуются, но люди съ этими свойствами въ большинствѣ случаевъ бываютъ легальными, и самыя эти свойства не представляютъ собою чего-то необоримаго, какъ законъ роста, цвѣтъ волосъ или глазъ; нѣтъ, они могутъ усиливаться и ослабляться подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ.

У одного автора, который защищаетъ теорію врожденной преступности, мы въ то же время находимъ отрицаніе существованія дегенератовъ ¹⁾. Подъ дегенератами разумѣются люди вырождающіеся, т. е. такіе, которые хуже своихъ отцовъ и произведутъ потомство еще хуже себя. Нашъ авторъ—Ашпертъ говоритъ, что нельзя получить въ наследство отъ родителей такой факторъ, который производилъ бы постепенное разрушеніе потомства и въ какомъ-либо поколѣніи привелъ бы его къ окончательной гибели. Можно отравить зародышъ алкоголемъ и всякимъ другимъ ядомъ, можно передать зародыщу болѣзнетворные микробы, все это потомъ на немъ скажется, но все это—не факторы прогрессивной дегенерации. Явленіе послѣдней на самомъ дѣлѣ обусловливается постояннымъ дѣйствіемъ какого-либо губи-

¹⁾ M. E. Apert—Les Problèmes de l' Hérité (Revue scientifique. 12 juillet 1913).

тельного фактора: неблагоприятныя условія жизни, тяжелая среда, алкоголизмъ, пороки сказываются на каждомъ послѣдующемъ поколѣннн сильнѣе, чѣмъ на предыдущемъ и въ концѣ концовъ приводятъ родъ къ гибели. Но устраните постоянно дѣйствующій факторъ, и вырожденіе прекратится. Такъ, въ области физической природы. Достаточно дать тѣлу толчокъ, чтобы оно задвигалось по прямому направленію и продолжало бы двигаться безъ конца, если бы прѣпятствія не положили конца его движенію. Но ни отъ какого толчка и ни отъ какой совокупности толчковъ тѣло не пойдетъ по линіи круговой или параболической, вообще по кривой линіи. Нужна постоянно дѣйствующая сила, которая постоянно отклоняла бы тѣло отъ прямого пути. Въ области органической и моральной для того, чтобы происходили уклоненія отъ нормы, нуженъ тоже постоянно дѣйствующій факторъ. Въ этомъ фактѣ заключается много утѣшительнаго. Если дѣйствительно это такъ, то сила началъ, направляющихъ человѣчество на кривые пути, оказывается очень ограниченной. Но такъ какъ эта сила за всеѣмъ тѣмъ постоянно дѣйствуетъ въ мірѣ, то она и являетъ намъ образы врожденныхъ преступниковъ, дегенератовъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Теперь возникли общества и лабораторіи Евгеники, поставившія своею задачею выясненіе законовъ, обуславливающихъ созданіе хорошаго потомства, добраго рода (εὖ — хорошо, γένος — родъ). Эти общества повидимому склонны къ тому, чтобы устанавливались запрещенія браковъ между лицами угрожающими дать человѣчеству духовно или физически большое потомство. Конечно, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ такія запрещенія должны быть, но вообще они очень рискованны. Нервная развинченность можетъ соединяться съ высокою даровитостію. Геній и безуміе не очень далеки другъ отъ друга. Ньютонъ болѣлъ психически, Кантъ кончилъ старческимъ маразмомъ, Контъ сходилъ съ ума. Кажущаяся физическая слабость можетъ тоже быть обманчивой. Агезилай и Суворовъ были хилыми ребятами. Многіе рождавшіеся слабыми и имѣвшіе повидимому плохое здорověе доживали до девятаго десятка или даже до девяноста лѣтъ, таковы Гоббесъ, Беккерель. Евгеника должна заботиться не столько о запрещеніяхъ, сколько объ улучшеніи

рода путемъ наилучшаго воспитанія. Если для того, чтобы двигаться по прямому пути, достаточно одного толчка, а для того, чтобы ходить кривыми путями, нужна постоянная наличность злой силы, то очевидно, намъ нужно прежде всего сосредоточить свои заботы на томъ, чтобы первоначальный толчокъ былъ благодотворень и силенъ, чтобы онъ могуче направлялъ къ добру. Нужно позаботиться о добромъ воспитаніи и объ устраниеніи злыхъ вліяній во время этого воспитанія.

Но кромѣ наслѣдственности и воспитанія съ нашей точки зрѣнія существуетъ еще свобода.

Кто вѣрить въ существованіе свободы, тотъ долженъ разсматривать необходимость, какъ неизбѣжное условіе для проявленія свободы. Опредѣленія моей свободной воли не имѣли бы никакого значенія и смысла, если бы вокругъ меня явленія не совершались по законамъ необходимости. Если бы все вокругъ меня совершалось свободно, я не могъ бы приспособить себя къ средѣ, я немедленно погибъ бы: земля могла бы уйти изъ-подъ моихъ ногъ, воздухъ разрѣдиться, домъ перейти на другое мѣсто. И если бы люди обладали неограниченной свободой, я тоже и при существованіи физическихъ законовъ необходимости не могъ бы приспособиться къ нимъ, какъ и они ко мнѣ. И здѣсь требуются ограниченіе свободы и законосообразность, хотя и не тождественная съ физической. Но за всеѣмъ тѣмъ необходимость находить смыслъ своего существованія лишь въ томъ, что она обусловливаетъ проявленія свободы. Если бы свободы не было и все совершалось бы по необходимости, то все было бы бессмысленнымъ. Законы необходимости находятъ себѣ оправданіе въ законахъ свободы.

Но проявленію какой свободы благопріятствуютъ дѣйствующіе въ мірѣ законы необходимости? Несомнѣнно, необходимость можетъ содѣйствовать проявленію и доброй воли и злой. Какой же она болѣе содѣйствуетъ? Во второй половинѣ прошлаго столѣтія намъ, исходя изъ принциповъ дарвинизма, отвѣтили бы, что природа равнодушна къ добру и злу, и что самыя понятія добра и зла условны и субъективны. Не всеѣ дарвинисты сказали бы это, но тотъ, кто не сказалъ бы этого, никакимъ образомъ не могъ бы показать, какимъ образомъ вѣра въ добро и въ его торжество можетъ соеди-

няться съ принципами дарвинизма. Теперь дарвинистическое міросозерцаніе отходить въ область исторіи. Многое въ природѣ оказалось противъ него. Много ударовъ нанесъ ему и менделизмъ. Что дадутъ далѣе работы менделистовъ?

Нельзя знать этого; но хочется вѣрить, что умственное движеніе, начало которому положилъ монахъ и въ ряду продолжателей котораго стоятъ ученые христіанскаго образа мыслей (наприм., ботаникъ Викторъ Грегуаръ), это движеніе во всякомъ случаѣ будетъ содѣйствовать установленію гармоніи между нашею христіанскою вѣрою и положительнымъ знаніемъ, и что на вопросы о принципахъ природной необходимости оно будетъ давать отвѣты, поднимающіе силу телеологическаго доказательства бытія Божія.
